

М.В. РАЦ

Экология Природы или экология Человека?

В основе всего современного мировоззрения лежит иллюзия, будто бы так называемые законы природы суть объяснения природных явлений.

Л. Витгенштейн

Дискуссия о методологических основаниях экологии, в которую выливается обсуждение учебного пособия [1], представляется принципиально важной и актуальной. Я предложил бы уйти от взаимных упреков (часто по мелочам), учесть общественную значимость обсуждаемых вопросов и исходить из презумпции заинтересованности всех участников дискуссии в их решении. Стоит заметить, что, во-первых, глубина проработки упомянутых оснований экологии несоразмерно мала по сравнению с местом, занимаемым экологией в общественном сознании и бюджетах (это, правда, касается больше западных стран). Во-вторых, слава Богу, дискуссия идет на страницах "ОНС" (а не на страницах, скажем, журнала "Экология"), где вопросы можно ставить достаточно широко. Например, не следует ли *экологию человека* мыслить скорее как общественную, чем как естественную науку? В-третьих, уже и в России формируется разветвленная система экологического образования, и, хотя боюсь, что дискуссия сильно запоздала, не хотелось бы, чтобы подрастающее поколение вводило в заблуждение, тем более за счет налогоплательщиков: ведь образование у нас пока еще по преимуществу бесплатное. В-четвертых, правительство одобрило в конце 1997 года тщательно скрываемую от общественности "Стратегию устойчивого развития России". Может быть, наша дискуссия поспособствует публикации и обсуждению "стратегии"? Это ведь единственный официальный документ, посвященный нашему концептуальному видению будущего России и путей движения к нему.

1

Должен признаться, что, вступая в дискуссию, я в отличие от других ее участников не претендую на знание истины. Более того, в той части разговора, где обсуждаются вопросы, *что* и *как* делать в сложившихся обстоятельствах, полагаю критерий истинности суждений иррелевантным. Программы и проекты (в отличие от прогнозов) проверяются не на истинность, а на реализуемость.

Еще одна особенность подхода состоит в том, что я различаю *задачи*, которые можно решить имеющимися в нашей культуре средствами, и *проблемы*, требующие для своего решения разработки новых методов, средств, онтологических картин и т.д.,

Р а ц Марк Владимирович - доктор геолого-минералогических наук, профессор, заместитель директора Института стратегических оценок.

которыми мы пока не располагаем. Глобальные проблемы (в том числе экологические) я в отличие от авторов [1] считаю проблемами в указанном значении и отнюдь не склонен делать вид, что знаю рецепты их решения. Более того, считаю, что они еще и не поставлены надлежащим образом.

Перефразируя известный тезис булгаковского героя (по-моему, ключевой для понимания экологической ситуации в России), я сказал бы, что разруха у нас царит и в клозетах, и в головах. Конечно, если мы хотим что-то изменить, то начинать надо с наведения порядка в собственной голове, особенно когда речь идет о сфере экологического образования, ведь весь сыр-бор разгорелся вокруг учебного пособия. Дело усугубляется еще и тем, что пособие адресовано не только студентам, но и специалистам-экологам, практикам, для которых, по нашим традициям, не столь важно, что сказано, сколь кем сказано, а один из авторов и редактор пособия - В.И. Данилов-Данильян - председатель Госкомитета РФ по охране окружающей среды. Практически это означает, что взгляды, изложенные в пособии, оказываются едва ли не нормативными, а их проблематизация, осуществленная критиками и оппонентами [2, 3], ставит под вопрос не только взгляды авторов [1], но и политику Госкомитета (если, впрочем, исходить из не слишком очевидного предположения о том, что научное кредо Данилова-Данильяна и деятельность министра как-то коррелированы).

Обращаясь к содержанию книги [1], начну с того, что ни "биосферная концепция развития", ни "теория биотической регуляции окружающей среды" никак не могут считаться "новой экологической парадигмой" [1, с. 326], если, конечно, понимать парадигму по Т. Куну как "источник методов, проблемных ситуаций и стандартов решения", причем принимаемый стандарт "отличает действительное научное решение от чисто метафизических спекуляций, игры слов или математических забав" [4, с. 136, 137]. Не могут по той простой причине, что являются логическим результатом распространения классических подходов и представлений биоэкологии на человеческий мир. Я ничего не имею против биоэкологии. Напротив, надеюсь, что биологические (и вообще естественнонаучные) подходы и взгляды могут еще дать что-то полезное применительно к человеку. Я повторяю только, что это, во-первых, старая, почти общепринятая, пока еще господствующая, но уже отжившая свой век парадигма, и утверждаю, во-вторых, что эта парадигма заведомо недостаточна для формирования *экологии Человека*, того, что на Западе получило название "науки об окружающей среде" как раз в отличие от классической биоэкологии.

Расхождения с авторами [1] начинаются с того, что их трактовка человека как одного из видов биоты, "крупного растительноядного животного" кажется мне, мягко говоря, очень уж частной, а содержание экологии ("науки о доме") и постановка экологических проблем, естественно, зависят от представлений о центральном субъекте, "населеннике", хозяине дома. Авторы вправе идентифицировать себя с крупными растительноядными животными, но я (и думаю, что не я один) считать себя таковым категорически отказываюсь. Для меня вопрос "кто я?" - вопрос самоопределения, самоидентификации.

Моя позиция здесь близка к позиции А. Назаретяна и И. Лисицы [2]. Отличие же состоит в том, что, говоря о самоопределении, нет нужды апеллировать к "развитию Метагалактики", "эволюции Вселенной" или к "постнеклассическому знанию" (термин этот, кстати, вызывает у меня такую же аллергию, как у Данилова-Данильяна). Что же касается тезиса Назаретяна и Лисицы о том, что "становление и развитие культуры - такой же закономерный этап эволюции Вселенной, как возникновение и развитие жизни..." [2, с. 152], то он для меня вполне созвучен тезису авторов критикуемого ими пособия насчет человека-животного. (Справедливости ради замечу, что

¹ То есть граница между "фантастикой и болтовней", с одной стороны, и "научными аргументами" - с другой, тогда не абсолютна (как это трактует Данилов-Данильян [5, с. 139]), а определяется господствующей парадигмой. Как проводить эту границу, если парадигма меняется или разные участники дискуссии исповедуют разные парадигмы?

тезис противоречит ряду других высказываний Назаретяна [3, с. 154, 155 и др.], но это, что называется, его проблемы.)

В самом деле, если культура закономерна, а значит, естественна (против чего, помнится, категорически возражал чтимый всеми участниками дискуссии Ф.А. Хайек), то чем она в принципе отличается от "культуры" муравейника или стада баранов? Ведь, согласно Назаретяну и Лисице, именно для биоцентризма "характерно то, что материальная и духовная культура, сознание, интеллект полагаются эпифеноменальными реалиями..." [2, с. 151]. О чем тогда спор? На мой взгляд, культура не "закономерный этап развития Вселенной", а, как говорят Назаретян и Лисица, "инородное тело", т.е., добавлю, продукт развития мышления и деятельности, содержащий среди прочего наши представления об эволюции Вселенной². Вопросы эти (о человеке и о культуре) для меня ключевые, и далее мы еще к ним обратимся. Пока же еще несколько слов о пособии.

Разумеется, вопрос о том, как нам мыслить человека, т.е. самих себя, - один из "вечных" вопросов философии, и трудно ждать от специалистов по экологии его решения. Но вот чего было бы естественно ждать от полипрофессионального коллектива авторов - докторов, профессоров и академиков, - это того, что они хотя бы ознакомятся с литературой по этой теме, как минимум с изданными в России хрестоматиями [6 и др.]. Судя по содержанию книги [1], ничего подобного не произошло, как не случилось авторам познакомиться и с современными работами, посвященными категории "природа" [7], критике парадигмы классической науки [8] и т.д. Вне поля зрения авторов осталось и такое относительно новое, но уже достаточно развитое направление мысли, как философия техники [9], имеющее, на мой взгляд, прямое отношение к экологии человека. (Чтобы не превращать статью в пособие по библиографии, ограничусь ссылками на работы, кажущиеся мне наиболее характерными.)

Критиковать за то, что в ней есть, а не за то, чего в ней нет, можно и нужно научную работу, но мы обсуждаем учебное пособие, способы употребления и соответственно критерии оценки которого совершенно другие. "Специалист подобен флюсу", но подобных флюсу экологов можно и, наверное, нужно готовить для научной работы, а не для работы в образовательных и природоохранных учреждениях, как сказано в аннотации пособия. Практикам (если понимать "пракис" по Аристотелю, как противоположность безответственному "поззису") вообще не повредило бы более широкое обсуждение методологических оснований экологии, а то, попав в реальные конфликтные ситуации по поводу конкретных программ и проектов так называемого природопользования, они рискуют оказаться совершенно беспомощными: ведь их оппонентами будут отнюдь не ученые и ситуация будет мало напоминать дискуссию в академическом сообществе. Однако от обсуждения методологических вопросов авторы пособия и в первую очередь Данилов-Данильян, взявший на себя в коллективе авторов ответственность за общественные науки [5, с. 139], бегут как черт от ладана.

С тем же успехом их позицию можно трактовать как последовательно научную - в смысле классического естествознания, а за ней стоит вполне определенная методология, что отличает позицию Данилова-Данильяна от позиции Назаретяна, чьи методологические установки мне кажутся несколько непоследовательными. Это, впрочем, не его вина, а наша общая беда: старая классическая наука умирает, а новая пока недалеко ушла от своего уже упоминавшегося наименования "постнеклассической".

Собственно, в связи с этим я взялся за перо и хотел бы, не вдаваясь в подробности, высказать свое отношение к нескольким важным вопросам, обсуждаемым в

² Когда эта статья была уже написана, я обнаружил во впервые изданной по-русски классической работе Б. Кроче "Теория и история историографии" (М., 1998) удивительно сходный мотив. Различая подлинную историю (историю общества) и "историю природы", являющуюся таковой только по названию. Кроче пишет о книгах, "где излагается без всякой тени сомнения происхождение мира, гладко и беспрепятственно совершается переход от клетки или даже туманности прямо к Французской революции... То, что нынешние эволюционисты являются творцами мифов и без усталости переписывают в современном стиле первые главы книги Бытия... нет нужды доказывать..." (с. 78).

дискуссии, и сформулировать по ним свои тезисы. К их числу относится прежде всего наше представление о Человеке и соответственно о среде его обитания; о понятии "ресурсы" нашей деятельности и, наконец, о "культуре" и "развитии" применительно к идущей дискуссии.

Я, таким образом, не ухожу от первоисточника [1] и его обсуждения, но сознательно перевожу это обсуждение в метаплан. Давайте для начала "сменим очки", через которые мы смотрим на мир, и попробуем договориться о *средствах* нашего анализа, о *подходах, понятиях и представлениях*.

2³

Говоря о среде обитания человека, начну с утверждения, что употребляемое в связи с этим в русском языке слово "экология" как синоним английского "environmental sciences" давно потеряло определенность своего значения. Достаточно вспомнить о таких словесных конструкциях, как "экология культуры", "экология спектакля" или "экология истории" (а это названия газетных статей), чтобы убедиться в полной потере собственного содержания понятия "экологическое". Понятие "экология", если не иметь в виду биоэкологию, давно расплылось под влиянием неконтролируемых привнесений в ходе его необдуманного метафорического употребления. Попробуем восстановить содержание понятия "экологическое".

Любые разговоры об окружающей среде и экологии (повторю, в расширительном понимании, в отличие от биоэкологии) осмысленны тогда и только тогда, когда указан "центральный" объект (или субъект), среда обитания которого обсуждается ("насельник"). В зависимости от того, какой объект рассматривается как центральный, находится и представление о его окружающей среде. В глобальном плане мы имеем две важнейшие альтернативы: в качестве центрального объекта можно рассматривать живую природу (или биосферу в целом) либо человека. Соответственно мы получим два совершенно разных представления о среде обитания и две совершенно разные экологии: "экологию Природы" и "экологию Человека". Это и есть спроецированная на экологию оппозиция биоцентризма и антропоцентризма [2,5].

Не вызывают сомнений тесная взаимосвязь и взаимопересечение двух названных сред и "экологий". Но прежде чем обсуждать взаимосвязи, их необходимо четко различать. В противном случае наступает чудовищная мешанина, исключающая возможность движения мысли (та самая "неконтролируемость", о которой говорилось вначале). Здесь я ограничусь рассмотрением экологии Человека, гораздо менее проработанной и мне лично наиболее интересной.

Представления о среде обитания любого субъекта, в том числе и человека, могут формироваться как минимум двумя полярными способами: в рамках либо *натуралистического*, либо *деятельностного* подходов [10, 11]. В первом случае и центральный субъект, и среда его обитания рассматриваются как некоторая объективная данность, подлежащая изучению и познанию. При этом характеристики среды, изучаемые объективными научными методами, могут в известной степени и не зависеть от ее "насельника" (а рассматриваться лишь "в связи" с его существованием). В деятельностном же подходе среда обитания осмысливается с позиции центрального субъекта. Такой подход позволяет различить собственно *среду обитания*, разную для разных "насельников", и ее *материал*, который может быть при этом одинаковым и подлежать исследованию научными методами. Последнее обстоятельство означает, что деятельностный подход оказывается более общим по сравнению с естественнонаучным, мыслимым как вариант натуралистического, включает его и, более того, создает условия и предпосылки для эффективного употребления его результатов.

В зависимости от того, как мыслим "человека", мы будем выстраивать (входя в

³ В этом разделе статьи использован неопубликованный материал М.Раца, М.Ойзермана и Б.Слепцова "Десять тезисов об экологии".

позицию "насельника") и свои представления о среде обитания, а значит, и о содержании экологии человека. Не вдаваясь здесь в сложный историко-философский дискурс, вслед за Г. Щедровицким [12], я буду мыслить человека как неразрывное единство трех ипостасей:

- духовной, совершающей поступки личности;
- социального индивида, осуществляющего свою деятельность согласно культурным нормам;
- биологического организма, живущего по законам природы (и являющегося центральным объектом для биоэкологии человека).

Активным началом в этом триединстве выступает мыслящая личность (подробнее см. работы [13, 14]).

Приняв такое представление о человеке, должно и среду его обитания мыслить соответствующим образом. Ее картина будет в корне отличаться от естественно-научной, вырастающей из экспансии биологических представлений. А именно, нам придется выделять три взаимосвязанных слоя среды обитания человека:

- духовную, или интеллектуальную, составляющую, соозначную "сфере клуба" (средовой подход, лежащий в основе любых представлений об экологическом, по отношению к этой составляющей заведомо недостаточен. Здесь вернее было бы говорить не о среде, а о сфере коммуникации, но обсуждение этой темы выходит за рамки настоящей дискуссии);

- социокультурную составляющую, соозначную сферам производства и быта;
- материально-вещественную составляющую, включающую как первую, так и вторую (рукотворную) природу и соозначную миру окружающих нас вещей.

Попытки раздельного изучения этих составляющих (по типу: биоэкология - социальная экология - экология личности) носят заведомо частный характер, поскольку все три составляющие органически взаимосвязаны. Представляемая таким образом среда обитания человека принципиально разнородна и уже поэтому не может быть объектом исследования наук традиционного типа. Зато такое представление проясняет некоторые важные моменты, не "схватываемые" в рамках традиционного научного подхода. Не биосфера - "дом" Человека, как полагают авторы пособия, - дом этот устроен неизмеримо сложнее.

Мы формируем свой дом, свою среду обитания сначала мысленно, а затем на подручном (доступном нам) материале; наша среда такова, каковы мы сами. При этом, конечно, *забота о сохранении и восстановлении материала осмысленна, однако сама среда обитания подлежит не сохранению, а формированию*, адаптации, модификации - применительно к нашим меняющимся целям, средствам и формам организации мышления и деятельности. Второе и не менее важное обстоятельство: активным, преобразующим началом в так представляемой среде обитания человека является ее интеллектуальная составляющая: *мысль есть первоисточник возмущений и изменений среды обитания человека*. Эти возмущения порождаются в ходе реализации наших замыслов самого разного толка (в том числе и не имеющих прямого отношения к "экологии"), по мере их движения "сверху вниз" - из интеллектуального мира в мир материально-вещественный. Последний, таким образом, оказывается своего рода "поддоном-накопителем", складом последствий нашего мышления и деятельности, их превращенных форм.

Сказанное меняет всю экологическую стратегию, переориентируя вектор наших усилий с заботы о "вещах" на заботу о переорганизации своего собственного мышления и деятельности: лечить, как известно, надо не симптомы болезни (вроде загрязнения окружающей среды или снижения биологического разнообразия), а больного - нас самих. Развивая идеи В. Вернадского, можно добавить к этому, что природа "меняется местами" с мышлением и деятельностью: последние не вписываются в природу, не эволюционируют вместе с ней и по ее законам, а объедают ее, становясь ее (природы) "средой обитания". *Природа живет теперь в мире мышления и деятельности*, и в жизни всей этой сложной полисистемы определяющую роль играют

именно процессы мышления и деятельности. (Тем самым задается и новый взгляд на "экологию природы", который я здесь развивать не буду.)

Важнейшим предметом наших забот оказывается тогда не "экология" (наука о "доме", о среде обитания), а "экотехника". Говоря проще, "дома" не изучают, а строят. Наука для этого нужна, но во вспомогательной функции: она должна обеспечить необходимыми для строительства знаниями. Это знания - и соответственно ориентированные научно-исследовательские работы (НИР) - о мышлении и деятельности "строителя" (НИР-2) и о свойствах и законах жизни задеваемого при этом материала (НИР-1). (Во избежание недоразумений подчеркну, что "строительство" здесь не более чем метафора.) Различение НИР-1 и НИР-2, предложенное 20 лет назад [15], до сего времени не вошло в культуру, хотя задает принципиально новые подходы к научной политике вообще [16], позволяя перейти от печальной знаменитой советской триады "наука-техника-производство" к триаде, которую я условно назвал бы японской: "проектирование-исследования-инновации", и преимущества которой, в том числе и применительно к экологии, вряд ли нужно доказывать.

В конечном счете *экологическая проблематика предстает* перед нами не в связи с отношениями человека (общества) и природы, а *в связи с отношениями людей и их сообществ друг с другом*, в связи со столкновениями разных человеческих интересов и представляющих их позиций по поводу разных возможностей использования одного и того же материала или территории. Соответственно "экологическая ситуация" мыслится прежде всего как ситуация конфликта между представителями разных позиций [17]. Ее разрешение тогда нужно искать в согласовании представляемых этими позициями интересов, для чего сформировался богатый арсенал средств и процедур, используемых с этой целью в развитых странах: связи с общественностью, оценка воздействия на окружающую среду, общественные экспертизы и расследования. Технические решения оказываются при этом подсобными и вырабатываются в ходе проведения названных процедур.

Предлагаемые подходы и представления снимают противоречия между "экологической политикой" и "социальной политикой" в их традиционной трактовке (т.е. когда первая направлена на улучшение материально-вещественных, прежде всего биологических кондиций жизни людей, а вторая - на социальное обеспечение их труда и быта). Если материально-вещественная и социальная составляющие суть два неразрывно связанных слоя среды обитания человека - значит, "экологическая" и "социальная" политики суть две стороны одной медали. В сегодняшней ситуации, когда остро стоят как вопросы социальные (жилья, зарплаты, и пр.), так и биоэкологические, особенно важно иметь установку на "социально-экологическую политику" или вообще политику развития [18] - на ее выработку (в мысли) и эффективное проведение в жизнь.

3

Авторы учебного пособия сетуют, что на прошедших международных конференциях по окружающей среде (Рио-де-Жанейро, 1992) и народонаселению (Каир, 1994) не обсуждалась альтернатива "существующей ресурсной концепции развития мировой системы, которая рассматривает Землю только или в основном как источник ресурсов" [1, с. 285]. В качестве альтернативы в пособии настойчиво пропагандируется "биосферная концепция", "ограничивающая", т.е. в сущности отрицающая развитие. Здесь я согласен с основными тезисами Назаретяна и Лисицы [2], но имею для этого совершенно другие основания. Утверждаю, что никакой ресурсной концепции развития нет, и (если не цепляться к странному формулировкам) согласился бы с авторами пособия: "Для ресурсной концепции нет в действительности никакого теоретического обоснования (хороша "концепция"! - М.Р.). Она фактически основана на практическом опыте человека, которому представляется, что все дело только в неправильном ведении хозяйства, в необходимости обновления технологии и

ресурсосбережения". (Заменив бессмысленное "ресурсосбережение" снижением энерго- и материалоемкости, могу только воскликнуть: если бы так! - М.Р.)

На мой взгляд, то, что имеют в виду авторы пособия, вернее было бы назвать "потребительской концепцией", которая не имеет никакого отношения ни к "ресурсам", ни к "развитию". Это поистине "глобальное" недоразумение связано с отсутствием у нас понятия "ресурсы" (как, впрочем, и понятия "развитие" — о нем далее). Здесь уже не до теорий!

Говоря о "ресурсах", представители разных профессий и сфер деятельности имеют в виду заведомо разные вещи. Финансист имеет в виду финансовые ресурсы, снабженец - материально-технические, начальник военкомата - человеческие (понимаемые при этом весьма специфически), геолог и эколог - природные и т.д. Объединяет всех, пожалуй, лишь интерес к одной форме ресурсов - "всеобщему эквиваленту", деньгам, которые в рамках экономической организации хозяйства действительно выполняют функции замыкающего ресурса.

Меня, однако, интересует другой поворот темы: существуют ли такие позиции, которым адекватно понятие "ресурсы вообще"? На мой взгляд, такими являются позиции оргуправленцев, политиков и предпринимателей, т.е. позиции, прямо связанные с преобразованием сложившихся систем деятельности и существующего порядка вещей. Господствующие в массовом сознании предметные трактовки ресурсов не отвечают их профессиональным интересам и целям, которые связываются с организацией деятельности представителей разных позиций и специалистов разного профиля.

Общее натуралистическое понятие ресурсов (т.е. родовое понятие по отношению к тем предметным трактовкам ресурсов, о которых говорилось выше) может быть представлено следующим образом. Ресурсы - это то, что существует объективно (внеположенно, предзаданно) по отношению к деятельности (т.е. естественно) и должно быть "втянуто" извне в деятельность для обеспечения ее бесперебойного функционирования в качестве либо исходного материала ("сырьевые ресурсы"), либо иных важных компонентов обеспечения ("финансовые ресурсы", "кадровые ресурсы" и пр.). Такая трактовка ресурсов позволяет, например, ученым-естественникам придавать этому понятию еще более широкое значение, усматривая "ресурсы" просто в естественных процессах, и говорить, скажем, об углекислоте и минеральных слоях как ресурсах роста растений, о магме как ресурсе вулканических извержений и т.д.

В деятельностной трактовке мы строим понятие "ресурсы" как функциональное. Согласно деятельностным представлениям, ресурсы существуют только в рамках целенаправленной человеческой активности, где полагаются искусственно-естественными. Для начала можно сказать, что *ресурсами становятся то и тогда, для чего и когда появляются возможности и способы вовлечения в деятельность* [19]. В этой онтологии уже нельзя говорить о ресурсах применительно к естественным природным процессам (типа извержения вулканов или жизни растений и животных). Более того, приходится вообще отказаться от понятия "естественные ресурсы": в истории легко проследить становление ресурсов из всегда существовавших, но не бывших ранее ресурсами минералов - металлических руд, нефти, урана и т.д. [20]. Мы считаем, соответственно, что понятие ресурсов напрямую неприменимо и к "естественному" человеческому поведению (согласно Р. Коллингвуду, это вообще не активность, а реактивность, "пассивность").

В отличие от деятельностной трактовки, в натуралистической традиции ресурсы отождествляются с задействуемым материалом, что уже автоматически (посредством двух-трех умозаключений) приводит к выводу о том, что людям лучше вписываться в существующие (а еще лучше существовавшие раньше) биогеохимические циклы, т.е. вести растительный образ жизни. Собственно в этом и состоит "биосферная концепция развития", за которую ратуют экологи, когда "скорость научно-технического прогресса сравнивается со скоростью эволюции" [1, с. 322], и с критикой которой Назаретяном и Лисицей интенционально я уже солидаризовался.

В чем могла бы состоять действительно ресурсная (в отличие от потребительской) концепция развития? Конечно, в систематической смене материала посредством постоянной диверсификации деятельности и обновления используемых технологий; в конечном счете посредством задействования интеллекта, который (а вовсе не Земля и не биосфера) является первоисточником любых и всяческих ресурсов (в отличие от материала, который может быть и природным). Сейчас это понимают уже не только теоретики (Ф.А. Хайек, П. Кеннеди, на которых ссылается Назаретян [4], и др.), но и практики, и пишут об этом не академические журналы, а газеты. Например, известный бизнесмен К. Бендукидзе прямо говорит, что "основной тормоз нашего динамичного развития - это наше природное богатство... Люди живут нормально, потому что живут за счет человеческого духа, а не за счет нефти" [21].

Полезно сравнить богатство нишей Японии с нищетой богатейшей России, чтобы выяснить (была бы охота!), что понятие "ресурсы", вопреки мнению авторов пособия, не только имеет смысл "в устойчивой саморегулирующейся системе, включающей сообщество (общество? - *М.Р.*) и окружающую среду" [1, с. 312], но такая система только и может существовать благодаря разумной ресурсной политике [19]. Позиции непримиримых оппонентов - Данилова-Данильяна и Назаретяна - здесь даже в чем-то сходятся. «Человек должен корректировать свое поведение - именно потому, что он "человек разумный"... По-видимому, именно в этом состоит смысл жизни человека как одного из видов в биосфере», - читаем мы в пособии [1, с. 284]. А его критики [2] связывают антропогенные катастрофы с диспропорцией между технологическим потенциалом и качеством выработанных культурой средств самоограничения, именуя соответствующую пропорцию законом техногуманитарного баланса.

В отличие от Данилова-Данильяна, не видящего здесь ничего, кроме банальности ("Не будь дураком!"), на мой взгляд, это скорее принцип, т.е. нечто ровно противоположное естественнонаучному закону: закон открывается в природе, принцип полагается в деятельность (к содержанию этого принципа мы еще вернемся). Точно так же для меня (как, думаю, и для многих читателей "ОНС") смысл не предзадан и не предписан наукой, а вкладывается в жизнь нами самими, причем каждым по-своему. Не навязываю своей точки зрения, но прошу предоставить право ее иметь. Тем же, кто желает обсуждать эту тему всерьез и не имеет времени "на фантастику и болтовню", советую познакомиться с популярной книгой В. Франкла [22]: знакомство с литературой по обсуждаемой теме, кажется, не противоречит и господствующей научной парадигме.

Мы, таким образом, уже отошли от понятия "ресурсы" и рискуем воспарить в такие горные выси, что дух захватывает. Здесь самое время ответить на упрек, брошенный Даниловым-Данильяном своим критиком: "В принципе рецензенты никак не желают понять следующего: мы занимаемся именно экологией, а не тем, что их на самом деле интересует - но как раз это обстоятельство постоянно (хотя и не всегда явно) вменяется нам в вину" [5, с. 143]. Отчасти я уже касался этого вопроса, говоря о различии критериев оценки научной работы и учебного пособия, но, чтобы избежать переадресовки процитированного упрека мне, должен развить эту тему. Интересно не только и не столько, *что, какой предмет* обсуждают авторы пособия и их критики; интересно, *как* организуется сама дискуссия, ибо для меня, повторю, пространство коммуникации и есть важнейшая составляющая среды обитания. Как организуется коммуникация, так (или хуже) организуется и все остальное.

4

Для меня замыкающими тему экологии Человека являются темы культуры и развития и замыкают они ее не только тематически и онтологически, т.е. как предмет обсуждения, но и организационно, "здесь и теперь", в рамках настоящей дискуссии. Какие культурные нормы регулируют нашу дискуссию? Продвигает ли дискуссия ее участников и читателей "ОНС" вперед, способствует ли нашему общему развитию?

Боюсь, дискуссия пока проходит под знаком специфической "естественной" культуры, когда точка зрения каждого из участников априори полагается им "единственно верной", а усилия направляются больше не на выход к основаниям тех или иных утверждений, не на рефлексию и критический анализ используемых обеими сторонами средств, понятий и представлений, не на порождение и движение мысли (для чего только и нужны дискуссии), а на то, чтобы уязвить противника. Характерны в этом смысле как зачин статьи Назаретяна и Лисицы об экофашизме, мазохизме и национальных рекордах, поставленных авторами пособия в этой части, так и ответные филиппики Данилова-Данильяна о погроме в экологической науке (а то и науке вообще), разбойничьем свисте и битом стекле.

Я здесь утрирую, но как иначе коротко и внятно объяснить разницу между суммой монологов и диалогом? А это ведь только начало. Дальше нужно разбираться, в чем разница между "естественной" монологичной советской (а точнее, большевистской) культурой, в которой мы все выросли, и ведомой нам больше по книгам современной европейской культурой диалога, "искусственной" культурой постмодерна, культурой не законодательного, а интерпретирующего разума [23].

Поэтому я вернусь прежде всего к собственной - методологической - позиции, которую мыслю отнюдь не как позицию судьбы, но как позицию наиболее близкую (из числа представленных в дискуссии) к культуре диалога. Причем эта близость вовсе не соответствует "всеядности" постмодерна в его распространенном толковании, но определяется отсутствием изначальной претензии на владение истиной, установкой на понимание оппонента, выработку собственного отношения к его позиции и рефлексию, в частности постоянный контроль за различием ориентиров, целей и средств их достижения.

Для игры я интерпретировал бы позицию Данилова-Данильяна как позицию "твердого ленинца", заранее и наперед знающего, как все обстоит "на самом деле" и как сделать людей счастливыми, при этом блестящего полемиста. Назаретян критикует Данилова-Данильяна с позиции, которую я назвал бы "переходной" (насколько такое возможно). Он апеллирует не к методологической критике оснований классической науки, где мог бы опереться на работы Т. Куна, П. Фейерабенда, Г. Щедровицкого, а применительно к экологии также В. Хесле [24], но к таким экзотическим направлениям самой естественной науки, как "универсальный эволюционизм" или "междисциплинарная теория прогресса". Однако эти направления родились из попыток безосновательной универсализации естественнонаучной методологии. В итоге мы получаем частично оппозицию авторам пособия, в частности - некую модернизацию все тех же алармистских выводов "научной экологии".

Реальная оппозиция возникает там, где речь идет о денатурализации (я бы добавил "артификации", "обыскуствлении". - *М.Р.*) природной среды и собственной природы человека; модернизация — там, где "в истории культуры прослеживается тот же вектор рационализации, который характерен для предшествующей истории природы" [2, с. 154], где будущее подводится под действие естественного "закона техногуманитарного баланса" и речь идет об адаптации "качества(?) гуманитарного интеллекта к возможностям интеллекта инструментального". Я уж не говорю о том, что интеллект един и не делится на "части" (гуманитарную, инструментальную или еще какие-то). Мне важнее "адаптация", лежащая, видимо, в русле "универсального эволюционизма" и в корне отличная от идеи развития, как я ее понимаю. Однако в следующей статье речь идет уже о превращении деятельности человека в "управляющий блок глобального процесса", о формировании ноосферы, где "биосфера становится подсистемой планетарной цивилизации" [3, с. 156], возникает тема "творческого интеллекта" [3, с. 160], не только адаптирующегося, но и адаптирующего...

Чтобы выстроить четкую оппозицию авторам пособия, мне недостает трех вещей. Во-первых, понимания категорий "искусственное" и "естественное" в отличие от "природное" и "техническое" не как натуральных характеристик нашего мира (так их трактовал Хайек), а как характеристик нашего подхода к нему, разных способов

полагания одних и тех же объектов [13]. Во-вторых, соответствующего понимания развития в отличие от функционирования, роста, модернизации, эволюции и прогресса; понимания развития как обогащения арсенала методов и средств мышления и деятельности и "умножения" задействуемых ресурсов [18, 25]. Наконец, в-третьих, видимо, нам всем недостает понимания и принятия факта "собственной ограниченности" разума (Хайек) или неустанно пропагандируемого Дж. Соросом "принципа погрешности" и связанного с ним принципа рефлексивности.

Собственно, исповедание последнего или отказ от него для меня не менее важен, чем ценностные ориентации оппонента. Даже и стремясь к общему благу (а у меня нет оснований сомневаться в таком стремлении со стороны всех участников дискуссии), легко сбиться на "пробивание" своего представления о нем в ущерб другим. Для этого достаточно потерять рефлексивный контроль за своими действиями (а один из путей и состоит, между прочим, в том, чтобы объявить принцип рефлексивности - а принципы искусственны по определению - естественным законом, который выполняется сам собой).

Думаю, что именно недостаток рефлексии и придает экологии характерную форму научного суеверия, которое, согласно Л. Толстому, состоит в «признании несомненными истинами того, что выдается за таковые профессорами, академиками, вообще людьми, называющими себя "ученые"» [26, с. 289]. Или, пользуясь уже знакомыми выражениями, в абсолютизации господствующей (т.е. заведомо старой) парадигмы.

Возможно, авторы пособия во многом правы, но, на мой взгляд, они совершили, по крайней мере одну ошибку, в наше время непростительную: проигнорировали существование инакомыслящих. За это теперь и приходится платить. Упомянувшемуся уже Фейерабенду принадлежит замечательная работа. "Против методологического принуждения" [8]. Интересно было бы понять по окончании дискуссии, выступаю ли я сейчас "против методологического принуждения" или против методологического невежества?

И все же меня не оставляет надежда на взаимопонимание и движение мысли (в противном случае не стоило бы вступать в дискуссию). Некоторую зацепку я вижу, в частности, в оговорке Данилова-Данильяна по поводу того, что подчиняться нам придется не законам биоэволюции (т.е. законам природы? - *М.Р.*), а ограничениям, вытекающим из условия устойчивости биосферы [5, с. 148]. Это, правда, противоречит сказанному двумя страницами ранее о фатальности законов природы, но, что касается последних, здесь можно апеллировать к такому уважаемому научно-популярному журналу, как "Знание-сила", где в работе Г. Копылова [27] дается современная интерпретация тезиса Витгенштейна, вынесенного в эпиграф настоящей статьи. Бывает же, что и министры ошибаются.

Вопрос тогда сводится главным образом к характеру предлагаемых ограничений. Говорить здесь об ограничениях развития и/или об ограничениях средней плотности населения [1, с. 305] с учетом приведенной трактовки развития просто бессмысленно. Видимо, авторы пособия не различают развития и роста: тогда я готов их понять, но, разумеется, не готов согласиться с ними. Трудность, следовательно, даже не в том, как решать экологические проблемы с учетом существования иных (чем у авторов пособия) подходов и представлений, а в том, как корректно и осмысленно такие проблемы ставить. С этой задачей авторы пособия явно не справились. Впрочем, они ее и не ставили: ведь для них проблемы существуют не в мысли, а "натурально", в окружающей действительности. Поэтому их и можно решать, не заботясь о постановке вопроса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арский Ю.М., Данилов-Данильян В.И. и др. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? (Учебное пособие). М., 1997.
2. Назаретян А.П., Лисица И.А. Критический гуманизм *versus* биоцентризм // Общественные науки и современность. 1997. № 5.

3. Назаретян А.П. Законы природы и инерция мышления // Общественные науки и современность. 1998. №4.
4. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
5. Данилов-Данильян В.И. Наука и гуманизм *versus* фантастика и технизм // Общественные науки и современность. 1998. № 4.
6. Проблема человека в западной философии. М., 1988.
7. Ахутин А.В. Понятие "природа" в античности и в новое время. М., 1988.
8. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
9. Философия техники в ФРГ. М., 1989.
10. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодельного подходов // Вопросы методологии. 1991. № 2.
11. Щедровицкий Т.П. Избранные труды. М., 1995.
12. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (методологический анализ) // Педагогика и логика. М., 1993.
13. Рац М.В. Что такое экология, или Как спасти природу: взгляд методолога. М., 1993.
14. Рац М.В. Человек и "человеческое" на рубеже XXI века // Первый российский философский конгресс. Т. 1. Философия в духовной жизни общества. СПб., 1997.
15. Поливанова С.Б., Щедровицкий Г.П. Методологическая организация мышления и деятельности как условие и средство комплексной организации НИР // Комплексный подход к научному поиску. Ч. 2. Свердловск, 1979.
16. Рац М.В. К вопросу о фундаментальном и прикладном в науке и образовании // Вопросы философии. 1996. № 9.
17. Щедровицкий Л.Г. Деятельностно-природная система // Человек и природа. 1987. № 3.
18. Рац М.В. Политика развития: первые шаги в России. М., 1995.
19. Рац М.В., Ойзерман М.Т., Слепцов Б.Г. Ресурсы и ресурсная политика // Вопросы методологии. 1996. № 1, 2; 1997. № 1, 2.
20. Друкер П. Рынок: как выйти в лидеры. М., 1992.
21. Независимая газета. 1998. 10 февраля.
22. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
23. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. №3.
24. Хесле В. Философия и экология. М., 1993.
25. Рац М.В., Тарутин С.Л. Развитие *versus* "устойчивое развитие" общественных систем // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. Материалы международной конференции. Т. 1. М., 1996.
26. Толстой Л. Путь жизни. М., 1993.
27. Копылов Г.Г. Среди миров // Знание - сила. 1996. № 10.

© М.Рац, 1999